

INSPIRIA

Bittersweet Memories

ГОРЬКО-СЛАДКИЕ
ВОСПОМИНАНИЯ

18+

КАТАРИНА МОРА

 INSPIRIA

Катарина Мора

Горько-сладкие воспоминания

Серия «Сурсаке. Горячие миллиардеры

Буктока. Катарина Мора»

Серия «Off-Limits», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73086583

ISBN 978-5-04-238267-3

Аннотация

Более 200 000 000 просмотров в TikTok.

Четвертая книга цикла «Под запретом».

Она бывшая девушка моего младшего брата и моя подчиненная. Она под запретом.

После предательства парня Аланна решает отомстить, соблазнив его старшего брата Сайласа.

План казался простым, пока не выяснилось, что он – ее новый начальник. Работая вместе, они все чаще пересекают опасную грань между желанием и запретом.

Вскоре становится ясно: Сайлас знает о ней намного больше, чем должен. О прошлом, которое она забыла, и воспоминаниях, от которых она бежит.

Но некоторые тайны лучше не раскрывать...

«Думаю, это самая трогательная книга, которую я прочитала в этом году. Она заставляла меня улыбаться, плакать, тонуть в чувствах и краснеть». – *Amazon*

Катарина Мора – автор бестселлеров USA Today и Amazon. Она пишет пронзительные современные любовные романы, которые разбивают сердце, прежде чем наградить читателя заслуженным «долго и счастливо». Кэт живет в Гонконге со своим мужем и дюжиной комнатных растений, у каждого из которых есть имя.

«Ты – луч солнца, луч света, луч надежды в темном и мрачном мире, где тебя нет. Только ты можешь осветить мой путь, но я всегда жажду большего».

«Ты – единственная женщина, которая может рассмешить меня, когда кажется, что почти невозможно дышать. Ты вдыхаешь жизнь в мое разбитое сердце, врачуешь мою душу, когда я уже думал, что она оставила меня. Ты что-то делаешь со мной, что никому другому не удастся. Я не знаю, как или почему, но я не могу насытиться этим чувством».

«Мы не должны были влюбляться друг в друга, но он и я... мы неизбежны».

«Ты моя первая любовь, Аланна... но что еще важнее, ты станешь моей последней любовью».

Содержание

Часть первая. Прошлое	7
Глава 1. Сайлас	7
Глава 2. Аланна	14
Глава 3. Сайлас	22
Глава 4. Аланна	28
Глава 5. Аланна	36
Глава 6. Сайлас	42
Глава 7. Аланна	51
Глава 8. Аланна	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Катарина Мора

Горько-сладкие

ВОСПОМИНАНИЯ

Catharina Maura

BITTERSWEET MEMORIES (#4 in Off-Limits series)

Copyright © 2024 by Catharina Maura

Cover Art © Catharina Maura

Перевод с английского *Мадлены Хайдар*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация: © Rumdecor, graficriver_icons_logo / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

© Хайдар М., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2026

* * *

Для мечтателей, которые создают на Pinterest

*жизнь своей мечты и сражаются за то, чтобы
воплотить эти мечты в жизнь.*

Все получится.

Per aspera ad astra¹.

¹ С латинского языка – «Через тернии к звездам». – Здесь и далее прим. ред.

Часть первая. Прошлое

Глава 1. Сайлас

При виде папиного гроба сердце разрывается на части. Боль настолько сильная, что сводит с ума. С каждым глотком воздуха мне становится еще больнее, и дыхание спирает от сдерживаемых эмоций и слез. Беспомощность и чувство несправедливости гложут меня. Почему отец? Как же так случилось, что его час пробил? Он был гораздо здоровее меня, придерживался правильного питания и регулярно занимался спортом, не пропуская тренировок. Это какой-то абсурд. Занимаю свое место напротив могилы, обводя взглядом толпу, собравшуюся попрощаться с отцом. Ощущают ли все эти люди ту же несправедливость, что и я?

В последние несколько дней у меня возникло ощущение, что я наблюдаю за всем происходящим со стороны, как будто меня вовсе не было, когда нам внезапно сообщили о том, что у отца случился инфаркт. Помню, как приехал в больницу и держал его за руку, не в силах понять, что пытаются сказать врачи. Мне казалось, отец просто спит. Его рука была еще теплой, и в отличие от того, что я читал о смерти, он совсем не окоченел. Я был уверен, что врачи ошиблись или, возможно, он просто разыгрывает меня. Мой отец все-

гда отличался своеобразным чувством юмора, и я надеялся, что это очередной розыгрыш.

Но я ошибался.

Сидящая напротив меня мачеха поднимается с места. Все мое нутро сдавливает от отвращения, растекающегося по моему телу, что я едва могу смотреть на нее. На ней черная шляпка и слишком короткое и совсем неуместное для такого повода черное платье. Ее образ завершает пара черных туфель на подошве ярко-красного цвета под стать помаде на губах. Хотя я и понимаю, что каждый справляется с горем по-своему, меня не покидает чувство возмущения от безмятежной улыбки на ее лице с идеальным макияжем. Утром я с трудом заставил себя принять душ, и даже сейчас, сидя здесь, меня трясет от сдавливаемых рыданий. Как она может так улыбаться, едва потеряв мужа?

Мона окидывает взглядом огромную толпу, собравшуюся у могилы отца, чтобы проститься с ним. Как будто внезапно осознав, что все смотрят на нее, она на долю секунды замирает и, фыркнув, смахивает подступившие слезы.

– Спасибо всем, кто собрался здесь сегодня, чтобы почтить память моего покойного мужа, Джейкоба Синклера, – произносит она слегка дрожащим голосом. – Он оставил после себя двух замечательных мальчиков, и они являются живым доказательством того, каким чудесным человеком он был. Он окружил их любовью и заботой, привил им честь и снабдил их моральным компасом. Хотя мы потеряли Джей-

коба, я нахожу утешение в том, что каждый день вижу его отражение в глазах сыновей.

Я пристально смотрю на младшего единокровного брата, сидящего рядом с опустевшим стулом матери. Склонив голову, Райан стиснул руки, уставившись на колени. Я вижу, как слезы капаят из его глаз, и ощущаю ту боль, которую он пытается скрыть. Райан, в отличие от мачехи, разделяет мою печаль, и это наполняет меня глубоким сожалением. Он несколько раз заглядывал ко мне, чтобы поделиться воспоминаниями о папе, как будто искал собеседника, который мог бы разделить его чувства.

Я всякий раз отталкивал его, не в состоянии смириться с тем, что отца больше нет. Будучи на пять лет старше, я должен был осознать, как сильно мой тринадцатилетний брат нуждается во мне, но я его предал. Мне не следовало прогнать его, нужно было обнимать, как не смогла бы его мать. Я должен был поступить так, как папа ожидал бы от меня. Но я запутался в своих собственных эгоистичных чувствах.

Судорожно вздыхая, я провожу рукой по лицу, пытаюсь собраться с мыслями. Я едва могу сосредоточиться на словах мачехи. В ушах лишь глухое биение сердца. Во время надгробной речи я фокусируюсь на равномерном ритме сердца, желая поскорее убраться отсюда. Я не хочу видеть, как крышка гроба моего отца захлопнется. Мысль о его кремации невыносима – на земле не останется ни одной его частички. Почему-то я всегда предполагал, что он захочет быть

похороненным, как и моя мать. Я мечтал о том, что будет место, куда я смогу приходить, чтобы навещать его, как мы с ним приезжали к маме. До сегодняшнего утра я даже не осознавал, что этого никогда не произойдет.

Мона делает шаг в сторону, и один за другим люди подходят к гробу отца, произнося последние слова прощания. Я же не в силах сделать то же самое. Я несколько раз видел отца в похоронном бюро после его смерти, но у меня чувство, что все это происходит в параллельной реальности.

Мой взгляд устремляется к Райану, который смотрит на отца. Я вижу в его глазах желание подойти, сказать последние слова на прощание, но он не решается. Внезапно меня охватывает волна ослепляющей ненависти к мачехе. Я встаю и, не успев осознать, что делаю, кладу руку на плечо Райану.

– Пойдем, – бормочу я. – Пойдем вместе.

Он смотрит на меня заплаканными глазами, в которых читается и вера, и облегчение. Порой трудно вспомнить, что Райан – не его мать. Не секрет, что мы с Моной не ладим, но наша вражда не должна затрагивать Райана.

Я веду его к гробу отца, и с каждым шагом его тело содрогается все сильнее. Когда мы останавливаемся перед гробом, Райан едва сдерживает рыдания.

– Папа, – шепчет он, и его голос срывается.

Наш отец выглядит таким умиротворенным, лежа в своем любимом костюме. Его густые темные волосы аккуратно уложены, а руки сложены одна на другую. Странно видеть

его таким – это он, безусловно, но в то же время кажется, что это вовсе не он. Я не верю в существование душ и тому подобное, но, когда я смотрю на неподвижную фигуру отца, меня охватывает ощущение, что его больше нет с нами.

Я крепко обнимаю Райана, тяжело сглатывая, пытаюсь сдерживать собственные слезы.

– Нам повезло, что он был с нами, Райан. Ты и я... мы продолжим папино дело.

Он кивает, прижимаясь ко мне, и я ободряюще сжимаю его плечо.

– Ты еще хочешь что-нибудь сказать папе? – спрашиваю я нежно.

На мгновение он замешкался.

– Спасибо, папа, – шепчет он так тихо, что я едва бы услышал его, если бы не стоял рядом. – Спасибо за Сайласа и за то, что всегда любил нас. Ты всегда учил нас быть храбрыми, и я постараюсь быть таким. Я... я буду самым лучшим братом и сыном, каким только смогу быть, и тебе никогда не придется беспокоиться о Сайласе и маме.

Мое сердце разбивается вдребезги, и я резко прикусываю губу. Мой дорогой младший брат намного лучше, и мне предстоит потрудиться над собой, чтобы стать таким, каким он меня видит.

– Пойдемте, – раздается голос Моны позади нас. – Его сейчас унесут.

Райан кивает и оборачивается на голос матери, но я не

следую за ним. Не могу. Я стою здесь, будто прикованный, и в последний раз смотрю на отца.

«Я люблю тебя, папа, – думаю я про себя. – Я всегда буду любить тебя. Обещаю, что ты будешь гордиться мной. Я стану тем человеком, каким ты мечтал меня видеть. Клянусь, с этого момента я начну меняться к лучшему. Я буду заботиться о Райане, как о собственном сыне. Хоть я до сих пор не уверен, что ты увидел ее истинное лицо, я сделаю все возможное, чтобы защитить его от Моны. Я сделаю все, что ты ждешь от меня. Это мое последнее обещание, которое я даю тебе, и я клянусь, что сдержу его. Покойся с миром и будь уверен, что я буду рядом, чтобы защитить его. Я обещаю, папа».

Я делаю шаг в сторону, когда церемониймейстер, виновато улыбаясь, кладет руку на крышку гроба. Вот и все. В последний раз я вижу отца.

Я ухожу. Мне нужно немного побыть одному, прежде чем предстать перед бесчисленными гостями, пришедшими выразить соболезнования. Как на автопилоте, я шагаю по знакомой тропинке к могилам, которые скрываются за этим зданием. Я проходил здесь с отцом множество раз.

Как только поворачиваю за угол к могиле матери, замираю на месте, услышав тихие всхлипы. У подножия деревьев вдоль дороги сидит девушка в черном, ее колени подтянуты к груди, а лицо скрыто. Ее тело сотрясается от рыданий.

Не успев осознать, что делаю, я опускаюсь перед ней на

колени, протягивая ей платок, вышитый заботливыми руками моей матери.

– Вот, – говорю я ей.

Девушка поднимает на меня глаза, и взгляд ее медово-карих глаз проникает мне прямо в душу. Она олицетворяет саму печаль, и в ней я вижу самого себя.

Глава 2. Аланна

Я смотрю в самые красивые темно-зеленые глаза, которые когда-либо видела, и с удивлением осознаю, что в них нет ни капли жалости... только понимание.

Дрожащими руками я беру платок и вытираю слезы.

– Спасибо, – произношу я хриплым голосом. Мое сердце болит так сильно, что кажется, будто мне вот-вот станет плохо. Я сжимаю платок в руках, словно надеюсь, что он придаст мне сил, которые мне так необходимы сегодня.

– Как тебя зовут? – спрашивает он.

Я смотрю в его глаза, и что-то в этом взгляде словно растворяет мою боль. Он стоит передо мной на коленях, вероятно испортив брюки своего костюма, но все его внимание сосредоточено только на мне.

– Аланна, – шепчу я, опуская взгляд.

Я рассеянно провожу пальцем по вышивке на носовом платке, почувствовав оцепенение.

– Psi?² – спрашиваю я, указывая на греческую букву, изображенную на платке.

Он кивает:

– Ты большая умница. Я удивлен, что ты знаешь эту букву.

Я поднимаю на него возмущенный взгляд. Очевидно, он

² Psi/Ψ. Читается по-английски как «сай», «пси» или «псай», в тексте Ψ – прозвище Сайласа, название отдела Sinclair Security.

считает меня ребенком, и это меня раздражает.

– Почему Сай?

Он улыбается, но его улыбка не находит отражения в его взгляде.

– Это мое имя. Ну, или прозвище. Удивительно, что ты произносишь ее как «Сай». Большинство людей произносят ее как «Пси».

Сай. Что за прозвище? Полагаю, что его полное имя «Саймон». Немного старомодное, неудивительно, что он решил его сократить.

– Это древнегреческий, – бормочу я. – Никто точно не знает, как произносится эта буква, верно же? Насколько мне известно, оба варианта произношения считаются правильными.

Сай садится рядом со мной и улыбается мне. Я вдруг осознаю, насколько он красив.

– И где же ты этому научилась, юная леди?

Сощурившись, я смотрю на него:

– Мне *тринадцать*. Никакая я не юная леди. Скоро мне исполнится четырнадцать.

Он хихикает и качает головой.

– Да, я помню, как в твоем возрасте чувствовал себя взрослым. Я бы посоветовал тебе наслаждаться молодостью, но я сам всегда ненавидел эти слова. Всегда мечтал поскорее повзрослеть. Но я открою тебе тайну: даже когда ты станешь такой же взрослой, как я, внутри ты все еще будешь чувство-

вать себя ребенком.

Я закатываю на него глаза, и моя прежняя печаль улечивается.

– Ладно, дедуля. Сколько тебе лет?

Он скрещивает ноги и улыбается.

– Мне восемнадцать. Я гораздо старше тебя.

Я качаю головой, хмыкнув.

– На пять лет, или даже на четыре с половиной. Ты ведешь себя будто старичок, а сам даже не можешь купить выпивку.

Сай раздражается смехом, в очередной раз повергая меня в полное изумление. Он настолько красив, что мог бы петь в одном из моих любимых бойз-бендов. Его темные густые волосы уложены в стиле корейских актеров, которых я просто обожаю. А его скулы должны украшать страницы модных журналов. В школе я бы никогда не осмелилась заговорить с таким парнем, как он.

– Значит, умный и дерзкий?

На моем лице появляется ухмылка, а он на мгновение замирает.

– Я рад, что ты улыбаешься, Аланна. Учтывая, где мы находимся, я могу только представить, как тебе тяжело. Наверняка ты сидишь здесь, потому что все стало для тебя невыносимым и ты не хотела, чтобы кто-то увидел, как ты распадаешься на части. Я чувствую то же самое... Но помни, что иногда, позволяя другим быть рядом, мы дарим им утешение. Тот, от кого ты сбежала, может нуждаться в тебе больше,

чем ты думаешь. Порой именно присутствие близкого человека, способного разделить наше горе, помогает нам легче переносить его.

Я смотрю в его глаза и вижу в них отражение боли.

– У тебя есть кто-то, с кем ты можешь поделиться своим горем?

Он качает головой и отводит взгляд.

– Больше нет.

Не раздумывая, я наклоняюсь к нему и крепко сжимаю его руку.

– Теперь у тебя есть я, Сай.

Он хихикает, сжимая крепче мою руку:

– Неужели никто никогда не предостерегал тебя, что нельзя разговаривать с незнакомыми мужчинами?

Надув губы, я отворачиваюсь, не в силах сдержать улыбку:

– Тебя вряд ли можно назвать мужчиной.

Сай кашляет, и я оборачиваюсь к нему, встречая возмущенный взгляд.

– Юная леди, – говорит он. – Если бы вы не были так молоды, я был бы вынужден защищать свою честь.

Я раздражаюсь смехом, моя рука все еще в его руке.

– Защищать честь... честно, ты будто вышел из моего любимого сериала.

Улыбнувшись, он наклоняется ко мне, нежно, почти побратски заправляя мне волосы за ухо:

– Seriously, Аланна. Пожалуйста, будь осторожна с незна-

комыми людьми, ладно? Именно тогда, когда мы больше всего уязвимы, мы чаще всего становимся мишенями для тех, кто может навредить или воспользоваться нами. Запомни это, ладно?

Я киваю, и улыбка сходит с моего лица.

– Значит, мне следует задуматься над тем, что ты со мной заговорил?

Он качает головой:

– Нет, что ты, милашка.

Сай высвобождает свою руку и отворачивается.

– Мне нужно возвращаться, тебе тоже. Наверно, твоя семья уже ищет тебя. Должно быть, тебе сегодня очень тяжело. Уверяю, по собственному опыту знаю, что боль никогда не проходит, но ты научишься жить с ней, Аланна. С каждым днем дышать будет все легче, пока однажды ты не поймешь, что воспоминания, которые когда-то доводили тебя до слез, будут радовать тебя.

Он встает и протягивает мне руку. Я беру ее, и он подтягивает меня к себе, отчего я спотыкаюсь. Сай ловит меня и удерживает на месте, взяв за плечи.

– Спасибо, – бормочу я, чувствуя, как внутри разгорается странное волнение. Я никогда не была влюблена, кроме как в знаменитостей, но кажется, вскоре у меня появится новый краш.

Я пристально смотрю на носовой платок Сая, не зная, стоит ли мне вернуть его ему или же оставить себе. Он уже за-

пачкан, и мне слишком стыдно отдавать платок обратно.

– Оставь его, – говорит он нежно. – Если мы когда-нибудь встретимся, ты сможешь мне его вернуть.

Я киваю и аккуратно складываю платок.

– Спасибо, Сай. Не только за платок, но и за то, что ты рядом и разговариваешь со мной, не спрашивая, кого я потеряла или что произошло. Это... это просто...

– Я знаю, – отвечает он, и на его лице появляется очаровательная улыбка. – Знаю, потому что мне тоже больно и я точно не хочу говорить об этом. Но запомни, что я тебе сказал, ладно? Не растворяйся в своем горе. Позволь людям, которые тебя любят, быть рядом с тобой.

– Да, – бормочу я, кивая. Раньше я не задумывалась об этом, возможно, он прав. Папе тоже должно быть больно, и, вероятно, вместе мы сможем преодолеть наше горе.

Сай поворачивается и уходит прочь. Сделав всего пару шагов, он оглядывается на меня. Я не хочу, чтобы он уходил, но не знаю, как попросить его остаться.

– Увидимся, Аланна.

Прикусив губу, я машу ему рукой, а он скрывается в противоположном направлении от того места, куда мне нужно идти. Я смотрю ему вслед, пытаюсь набраться храбрости.

Обычно, когда я так сильно расстроена, как сегодня, я иду к маме. Но что же мне делать сейчас, когда ее нет?

В рассеянности я иду к ее могиле, не желая признавать, что сегодня мы хороним ее. Я бы хотела просто пойти домой

и притвориться, что ничего этого не происходит, но я не могу.

– Аланна! – раздается голос папы. Он подбегает ко мне, его глаза горят от бесконечно пролитых слез, а на лице читается тревога. – Как ты, милая?

Папа заключает меня в крепкие объятия, и я что есть мочи обнимаю его в ответ.

– Не очень, – признаюсь я. – Папа, мне кажется, что я никогда больше не буду радоваться жизни, что я больше никогда не буду в порядке.

Он кладет подбородок мне на макушку, его тело дрожит так же, как и мое.

– Знаю, милая. Я чувствую то же самое, но у нас все будет хорошо. Пока мы есть друг у друга, у нас все будет хорошо, правда?

Я киваю.

– Да, – шепчу я. – Я просто не понимаю. Разве нас ей было мало, папа? Почему она... Почему она не подумала обо мне? Разве мама не любила меня? Разве ей было меня мало?

Отец крепче прижимает меня к себе:

– Она очень любила тебя, Аланна. Мама была очень больна, и лекарства ей не помогали. Просто... из-за них она впадала в еще более глубокую депрессию. Ты ни в чем не виновата, милая. Это не твоя вина, понимаешь.

Я киваю, но в глубине души меня терзает мысль, что я могла предотвратить ее смерть, если бы сделала что-то. Если

бы я чаще говорила ей, что люблю ее, возможно, она бы не покончила с собой.

Глава 3. Сайлас

Этого не может быть. Я поднимаю взгляд с бумаги в своих руках, с трудом осознавая, что только что прочитал.

– Мне жаль, Сайлас, – говорит Майко, адвокат моего отца. – Твой отец оставил все твоей мачехе. Ни ты, ни твой брат ничего не унаследовали.

Я встаю и дрожащими руками кладу документ на стол.

– Это правда, Майкл? Вы присутствовали, когда он подписывал это?

Он кивает, и на его лице читается виноватый взгляд. Когда завещание было оглашено, я сперва подумал, это очередная хитрая уловка мачехи, но весь документ написан отцовским почерком. Он оставляет Моне все свое миллионное состояние.

– Почему он так поступил? Почему оставил нас с Райаном ни с чем?

Я закусываю губу, мои мысли мечутся по кругу. Конечно, Мона позаботится о своем сыне, но отец должен был понимать, что она никогда не сделает того же для меня. Не секрет, что мы совсем не ладим в последнее время.

Когда я узнал, что она изменяет отцу с садовником, я сразу же обо всем ему рассказал. Прошло более трех лет с тех пор, и хотя, казалось бы, ее измена никак не отразилась на их отношениях, но, как только отец решил вывести ее на чи-

стую воду, мы рассорились в пух и прах.

– Не знаю, Сайлас. Я спросил его, уверен ли он в своем завещании, и он подтвердил свое намерение. Возможно, он полагал, что твоя мачеха продолжит заботиться о тебе, как и последние тринадцать лет.

Я в недоумении качаю головой. Как он мог в это поверить? Чем старше я становлюсь, тем больше вижу Мону насквозь: маленькая злобная стерва. Я думал, что отец тоже начал это осознавать.

Уверен, он бы никогда не женился на ней, если бы она не появилась на пороге нашего дома на шестом месяце беременности. Я знаю, как сильно отец любил мать, и тогда, будучи еще совсем маленьким, я не осознавал этого, но теперь все понимаю.

Она всего лишь была мимолетной интрижкой, кем-то, кто бы помог залечить разбитое сердце отца после смерти матери. Тогда ей было всего двадцать, она была вдвое младше папы. Чем старше становился отец, тем больше разница в возрасте превращалась в преграду между ними. У них не было ничего общего, а последние два года они только и делали, что ссорились. Если бы она по-настоящему любила его, все могло бы сложиться иначе, но я не верю, что она когда-либо что-нибудь к нему испытывала.

– Могу я его оспорить?

Майкл вздыхает:

– Нет, Сайлас. Твой отец был в здравом уме, когда подпи-

сывал его, и присутствовали два свидетеля, включая меня. Я бы хотел дать тебе другой ответ, но, увы, не могу.

Я киваю, опускаясь в кресло напротив его стола. Почему отец поступил так со мной? Как он мог доверять своей жене, если последние месяцы они едва выносили друг друга?

– Мне жаль, Сайлас.

Киваю, натягивая на себя улыбку.

– Спасибо, что уделили мне время, – говорю я Майклу, поднимаясь со стула и чувствуя себя еще более беспомощным. Так неожиданно потерять отца было уже весьма тяжело, но, судя по этому документу, я лишился не только его.

По дороге домой меня охватывает ужас, в голове прокручиваются сотни разных сценариев. Мы не разговаривали с Моной с тех пор, как умер отец. Не сомневаюсь, что ей не понадобится много времени, чтобы пустить в ход новообретенную власть и богатство.

В доме царит тишина, когда я вхожу. Я вздыхаю с облегчением, но вдруг слышу звонкий стук каблуков Моны по мраморному полу. Она ухмыляется, увидев меня, и останавливается, прислонившись спиной к стене, окидывая меня пристальным взглядом.

– Я так понимаю, ты уже убедился, что не можешь претендовать на имущество Синклеров?

Я пристально смотрю на нее, и слова застревают у меня в горле. Мона хихикает, а ее взгляд лишь подливает масла в огонь.

– Что, язык проглотил? Я уж думала, что не застаю тот день, когда ты не будешь рявкать мне в ответ.

Я вздыхаю, проводя рукой по волосам, раздраженный ее присутствием. Все в ней вызывает неприязнь: дешевые наряды, чрезмерный макияж, украшения, даже ее голос. Я ненавижу в ней все.

– Я пойду в свою комнату, – говорю я, проходя мимо нее.

– Нет, никуда ты не пойдешь. – Ее голос нежный, в нем звучат нотки злости. – Ты соберешь свои вещи и уберешься к чертям из моего дома.

Я в недоумении поворачиваюсь к ней:

– Что?

– Ты слышал. Ты никогда меня не любил, и я больше не намерена терпеть твою убогую рожу. Собирай свои вещи и убирайся из моего дома.

– Твоего дома? – повторяю я. – Я вырос в этом доме. Мы похоронили отца всего три дня назад, Мона. Ты серьезно?

Она улыбается, на ее лице играет ядовитая улыбка.

– Я совершенно серьезно. Это новый старт для нас, для Райана. Я бы хотела, чтобы к тому моменту, как Райан вернется с футбола, ты убрался отсюда, либо я попрошу охрану выпроводить тебя за незаконное проникновение на чужую территорию. Не испытывай меня, Сайлас. Подумай о последствиях.

– Папа был бы против твоей затеи. Так ты чтишь свой брак с ним? Выставляешь его сына вон, едва похоронив мужа?

Мона улыбается, скрестив руки на груди:

– Твой отец мертв, как и наш брак. Я хочу, чтобы тебя здесь не было. Это последнее предупреждение.

Она уходит, а я смотрю ей вслед. Я слишком хорошо ее знаю, она точно не шутит. Но что же теперь мне делать? Я даже не смогу поступить в колледж, не имея ни гроша за душой. Как она могла так поступить со мной, когда я едва оправился от кончины отца?

Странно, но я глубоко разочарован в ней. Я никогда не был о ней высокого мнения, но почему-то мне так больно от того, что мои предположения оказались верными. С одной стороны, я хотел верить, что она и правда любила моего отца, хотя прекрасно знал, что это не так.

У меня уходит всего час, чтобы собрать вещи. И вот я уже подъезжаю к дому друга. По крайней мере, у меня еще осталось немного денег на счете и есть машина.

Я откидываюсь на спинку сиденья и смотрю на входную дверь дома Лукаса, не зная, что делать дальше. Смогу ли я оплачивать учебу в колледже? Может, лучше вообще отказаться от этой затеи?

Меня переполняют душевная боль и чувство стыда, когда я выхожу из машины, набитой вещами. Даже когда я звоню в дверь, то сомневаюсь, что правильно поступил, но мне некуда больше идти. У меня нет семьи, и, хотя я знаком со многими людьми, Лукас – мой единственный настоящий друг.

Он открывает дверь, прежде чем я успеваю передумать. Я

нервно улыбаюсь ему.

– Привет, – бормочу я. – Можно у тебя остановиться?

Глава 4. Аланна

Два года спустя

– Пап, ты серьезно? – спрашиваю я, вглядываясь в здание, где располагается приют для бездомных. Когда он сказал, что возьмет меня с собой в субботу, я думала, мы поедем в какое-нибудь классное место, чтобы хоть как-то загладить вину за то, что ему пришлось работать на мое шестнадцатилетие.

Но передо мной здание, которое, как мне кажется, никак не вяжется с нашей жизнью. Зачем он привел меня сюда?

Папа облокотился на свой любимый пикап, в его глазах застыло задумчивое выражение. Будто бы он вовсе не рядом со мной, а затерялся в неизвестных мне далеких воспоминаниях. В последнее время он часто ведет себя так. Когда мы потеряли маму, то не отдалились с папой друг от друга. Наоборот, мы стали ближе, научившись опираться друг на друга. Если днем со мной происходило что-то интересное, я рассказывала обо всем именно ему, а он делился со мной скучными подробностями своей работы, которые я едва понимала. Мы ужинали вместе и старались вести себя так, будто мама не оставила зияющую дыру в наших сердцах.

В последние пару недель все изменилось. Он возвращает-

ся домой, когда я уже почти засыпаю. В редких случаях, когда он бывает дома, то погружается в работу. Когда я пытаюсь завести с ним разговор, его будто бы и нет. Я скучаю по нему и надеялась, что мы здорово проведем время. Не понимаю, зачем он привел меня в приют для бездомных в свой первый за несколько недель выходной.

– Папа, – жалуюсь я.

Он вздыхает, проводя рукой по волосам, и опускает взгляд.

– Раньше я здесь жил, – произносит он наконец, в его голосе слышится нежность.

Я в шоке поднимаю глаза:

– Что?

Папа кивает. На его лице застывает легкая тень грусти.

– Да, именно так. Пришло время вернуться сюда. Это место помогло мне встать на ноги, и теперь настала пора отдать долг.

Я в полном оцепенении слеую за папой, ощущая, как внутри меня нарастает тревога. Здание ухоженно, но вход напоминает бизнес-центр, который попытались превратить в уютный дом, на стенах висят фотографии постоянных посетителей и известных людей, внесших вклад в благоустройство приюта.

– Роберт!

Я поднимаю глаза, услышав имя отца. В нашу сторону двигается высокий, приятный мужчина с дружелюбной

улыбкой на лице. Он с любопытством разглядывает отца:

– Вы только гляньте! Как-то я говорил, что не хочу видеть тебя здесь вновь. Но посмотри на себя – ты просто красавчик! Мне не хватает слов, чтобы отблагодарить тебя за все, что ты сделал для приюта.

– Рикардо, – говорит папа, и его лицо озаряет лучезарная улыбка. Но в папином выражении лица скрывается нечто большее. Обычно он стоит, гордо расправив плечи, но сегодня он выглядит скромным и полным благоговения. Кто бы ни был этот человек, отец безмерно ценит его. – Сегодня я пришел, чтобы показать дочери, как здесь все устроено. Одно дело пожертвования, но я подумал, что пришло время и вернуться сюда.

Рикардо протягивает мне руку, и я пожимаю ее, как учил меня отец – уверенно и крепко.

– Рад познакомиться с тобой, Аланна.

Я киваю:

– Взаимно.

Мне любопытно, кто этот человек передо мной. Я и не подозревала, что мой отец когда-то был бездомным. Мне интересно узнать не только об этом месте, но и том времени в жизни отца. Он известный и уважаемый бизнесмен, и, хотя мы не часто говорим о деньгах, я уверена, что его состояние исчисляется миллионами. По крайней мере, его компания примерно столько стоит. Он начинал простым строителем на стройке, осваивал профессию, шаг за шагом подни-

маясь по карьерной лестнице, пока ему не открылись инвестиционные возможности, сделав его одним из крупнейших подрядчиков в сфере недвижимости. Я никогда не задумывалась о том, с чего он начинал, а сам он никогда не делился своими воспоминаниями.

– Давай я тебе все здесь покажу, – говорит отец. – Похоже, мало что изменилось с тех пор, как я уехал.

Я молча слеую за ним, и, глядя на людей вокруг, мое сердце наполняется печалью, которую я никогда раньше не испытывала. Многие выглядят, как и мы, и я бы не сказала, что у них стереотипный вид бездомных, какими мы их себе представляем. Они выглядят чистыми и носят аккуратную и опрятную одежду.

– Ты не поверишь, как, оказывается, легко все потерять, – тихо произносит отец. – Иногда достаточно просто лишиться работы. Счета накапливаются, и одно приводит к другому. Зачастую люди оказываются здесь на пару дней или недель. Счастливики.

– Как долго ты здесь был? – спрашиваю я, частично опасаясь его ответа.

Папа смотрит на меня и вздыхает.

– Больше года. Гораздо дольше, чем следовало бы. Рикардо помог мне найти работу и заботился о том, чтобы я всегда выглядел презентабельно. Он следил за тем, чтобы мы были сытыми и здоровыми, насколько это было возможно. Многие из тех, кто работает на меня сегодня, – это люди, которых я

встретил именно здесь. Им просто нужен был шанс, чтобы кто-то просто поверил в них.

Папа ведет меня в просторный зал, где на полках стоят книги, а перед телевизором сидит дюжина человек.

– Ты говорила, что хотела бы немного подзаработать, верно?

Я киваю, и папа поворачивается ко мне.

– Приходи сюда волонтерить раз в неделю, и я буду платить тебе за время, которое ты проведешь, помогая другим. Я знаю, что ты расстроена тем, что в последнее время мы почти не проводим время вместе, и мне кажется, что тебе будет полезно поработать здесь. Нам повезло, Аланна, но жизнь могла бы сложиться совсем иначе. Мне важно, чтобы ты это помнила, чтобы ты понимала, ради чего я так усердно работаю.

Я удивленно моргаю. Работать здесь? Это не так уж близко к нашему дому. Мне понадобится целая вечность, чтобы добраться сюда, а потом домой.

– Подумай об этом, дорогая. Если ты будешь здесь работать волонтером, я буду платить тебе вдвое больше, чем ты зарабатываешь в магазине. Прогуляйся немного и поразмышляй над этим. Я здесь.

Я киваю, нерешительно оглядываясь по сторонам, но папа ободряюще улыбается и кивком указывает на дверь позади нас. Вздохнув, я разворачиваюсь и ухожу, исполняя его просьбу.

У меня замирает сердце, когда я вхожу в просторную комнату, заставленную бесчисленными двухъярусными кроватями. Я могла бы разместить десять таких кроватей в своей спальне. У меня мгновенно возникает чувство вины за то, что у меня столько всего есть, а я все равно хочу, чтобы папа уделял мне больше времени. Наверное, поэтому он привел меня сюда сегодня – чтобы я поняла, какова цена за все, что мы имеем, и чего стоит его успех.

– Аланна?

Я озираюсь по сторонам и вдруг встречаю знакомый взгляд темно-зеленых глаз.

– Саймон?

Он улыбается, и мое сердце учащенно бьется. Он выглядит старше, но не менее привлекательным. На Саймоне джинсы и простая черная футболка, но он хорошо выглядит. Что он здесь делает? В тот день, когда я повстречала его на кладбище, сразу было понятно, что он не из бедных. Я до сих пор помню часы, которые были на нем в тот день. Они были похожи на папины, но цвет отличался. Часы Саймона были золотые, а папины – серебряные.

– Так вот как, по-твоему, расшифровывается «Сай»?

Я киваю, ощущая странное волнение:

– Что ты здесь делаешь?

Улыбка исчезает с его лица, и он поглаживает затылок. Он выглядит беззащитным.

– Я здесь живу, – отвечает он тихим голосом. – Как ты

здесь оказалась? – Его взгляд скользит по моему телу. Интересно, он все еще считает меня маленькой девочкой?

– Я... мой папа сказал мне... эм... поволонтерить. Здесь.

Мои щеки мгновенно заливаются краской, и я прикусываю губу. Почему я вдруг веду себя так странно?

Он кивает, его взгляд устремлен на стену позади меня.

– Не уверен, что это хорошая идея, Аланна. Здесь не очень-то и безопасно. Признаю, что это один из лучших приютов, и сотрудники заботятся о своих подопечных гораздо лучше, чем в других местах. Они могут предоставить место на несколько месяцев вперед, если ты докажешь, что действительно нуждаешься в помощи и готов хорошенько постараться, чтобы изменить свою ситуацию. Но здесь по-прежнему много людей с психическими расстройствами, и порой они ведут себя непредсказуемо. Воровство здесь – тоже обычное дело. Ты не продержишься и дня.

– Почему это? – возмущенно спрашиваю я.

Он улыбается, и его улыбка мгновенно обезоруживает меня.

– Ты слишком красива, Аланна. Ты слишком мила, тобой легко воспользоваться.

Я скрещиваю руки, и на мгновение его взгляд скользит вниз, к моей груди, затем он быстро отводит глаза.

– Мне кажется, ты меня недооцениваешь, – отвечаю я ему.

Сай качает головой:

– Это не игрушки, Аланна. Я серьезно. Здесь не место для

тебя.

Я прикусываю губу, обдумывая его слова, но решение уже принято.

– Это мы еще посмотрим, – отвечаю я, прежде чем направиться к отцу. Скажу папе, что буду здесь волонтерить.

Глава 5. Аланна

Я стою у дверей приюта, полная колебаний и тревог. Без папы я ощущаю себя не в своей тарелке. Раньше я никогда не занималась волонтерством и переживаю, что не справлюсь с этой задачей. Боюсь подвести его.

– Аланна! – подходит ко мне Рикардо, излучая самую искреннюю улыбку, которая мгновенно заставляет меня ответить тем же. Есть люди, способные проецировать позитив и надежду, и Рикардо, безусловно, один из них. – Давай, заходи!

Он проводит меня в небольшой кабинет, расположенный рядом с входом, и предлагает заварить чашку чая. Я отказываюсь.

– Я сделаю все, что в моих силах. Вам не нужно заботиться обо мне или нянчиться со мной. Я здесь не для того, чтобы быть для вас обузой, – обещаю я, как только мы садимся.

Он усмехается и покачивает головой.

– Ты и правда дочь своего отца. Когда он впервые пришел сюда, нуждаясь в жилье, он тоже пообещал мне, что не станет для меня обузой.

Мое сердце сжимается от боли за папу и за все испытания, которые ему пришлось пережить. Я так мало знала о его жизни. Он всегда был для меня героем, я очень его ценю. Когда мы потеряли маму, он с удивительной легкостью взял

на себя ее роль и отлично исполнял роль отца. Он всегда был для меня настоящим супергероем.

– Папа так говорил?

Рикардо кивает:

– Ты просто вылитый отец, но улыбка у тебя от матери.

От удивления глаза ползут на лоб, а сердце начинает биться быстрее.

– Вы знали мою маму?

Рикардо кивает:

– Поработай сегодня хорошенько, и я расскажу тебе замечательную историю о твоих родителях, договорились?

Я улыбаюсь:

– Я и так планировала хорошо поработать, но от истории точно не откажусь.

– Пойдем, я покажу тебе, чем ты будешь заниматься. Каждый день у нас разные задачи, поэтому твоя работа никогда не будет однообразной. Сегодня мне нужна твоя помощь с инвентаризацией консервов. К сожалению, в последнее время у нас участились кражи. Мы переходим на более надежную систему хранения и хотим разработать оптимизированную систему заказов, чтобы заранее закупать больше продуктов по лучшим ценам. Для этого нам нужно точно знать, сколько у нас всего осталось после недавних краж.

Я иду за ним, изо всех сил стараясь не глазеть на людей в комнатах. Я не хочу, чтобы кто-то почувствовал себя неловко. Папа сказал мне помнить о том, как часто ему прихо-

дилось жертвовать своей гордостью и достоинством, когда он был бездомным, и как это каждый раз причиняло ему боль. Он настоятельно просил меня помнить об этом и быть осторожной в своих действиях и выражениях. *«Один лишь жалостливый взгляд может ранить, Аланна»*, – повторял он.

Работа, которую поручил мне Рикардо, довольно простая. Хотя она медленная и скучная, по крайней мере, я ощущаю, что занимаюсь чем-то значимым. Пока я пересчитываю консервные банки, мои мысли неизменно возвращаются к людям, которые живут здесь... особенно к Саю.

Как такой парень, как он, мог здесь оказаться? Я помню, что папа сказал, как легко все потерять, но мне это кажется совершенно невозможным. Да, я была юна, когда мы впервые встретились, но я не слепая. Только одни его часы стоили несколько тысяч долларов, если, конечно, это не подделка. Но Сай не похож на человека, который будет носить паль.

Я все еще думаю о нем, когда закрываю кладовую. Понимаю, что нужно вернуть ключ Рикардо и идти домой, но мне очень любопытно узнать, что делает Сай. Я не сразу замечаю его, сидящего в углу комнаты, с книгой в руках.

Улыбка невольно расплывается по лицу, а сердце бешено колотится.

– Сай!

Он поднимает глаза, но вместо ожидаемой улыбки в его хмуром взгляде читается раздражение. Мое сердце замира-

ет, и я непроизвольно расправляю плечи, словно пытаюсь защитить себя.

Сажусь рядом, невзирая на то, что он игнорирует меня и продолжает читать книгу. Его нежелание общаться со мной обжигает, но я не позволю ему сломить меня.

– Привет, я... я хотела вернуть тебе это. – Я достаю из кармана носовой платок и протягиваю ему, держа ткань обеими руками, не желая выпускать ее из рук.

Сай удивленно смотрит на него, а затем поднимает взгляд на меня. Лед в его глазах начинает таять, и я вижу в них то заботливое выражение, которое я запомнила с тех пор, как мы впервые встретились.

– Ты хранила его все это время?

Я киваю:

– Не знаю точно почему, но он помогал мне оставаться храброй, когда боль становилась невыносимой. Каждый раз, когда я была на грани срыва, я крепко сжимала его в руках и вспоминала, как ты говорил мне не оставаться наедине с болью. Вместо того чтобы реветь в кровати, я шла к отцу и разговаривала с ним. Не успела оглянуться, как этот платок стал для меня чем-то вроде талисмана, и теперь я повсюду ношу его с собой.

Отчасти я надеялась, что однажды встречу Сая и смогу вернуть ему платок. Он даже не подозревает, что его добрый поступок стал для меня спасательным кругом, который не дал мне утонуть в собственной печали.

Он заключает мою руку в своей, на мгновение замешкавшись, прежде чем смыкает свои пальцы вокруг моих.

– Оставь его себе, – произносит он нежно. – Похоже, для тебя он так же ценен, как и для меня когда-то. Оставь его.

– Ты уверен? – По его взгляду я понимаю, что платок много значит для него. Я удивлена, что он отдал его мне. Думаю, что с этим платком связана какая-то история.

– Уверен.

Я киваю и встаю, хотя уходить не хочу, но и не желаю беспокоить его без необходимости. Ясно, что мое общество не слишком его радует. Мне уже не по себе от всей этой ситуации.

Я улыбаюсь ему на прощание, изо всех сил стараясь не оглядываться, пока иду к двери. Но посреди комнаты он внезапно настигает меня и, обхватывая за запястье, резко притягивает меня к себе. Я утыкаюсь головой в его грудь, и он крепко обнимает меня, но смотрит не на меня.

– Джонатан, – произносит он назидательно. – Может, вернешь ей ключи, а я просто сделаю вид, что не заметил, что ты только что натворил? Ты ведь сам знаешь, что за это тебя вышвырнут из приюта.

Я оборачиваюсь в его объятиях, и Сай с нежностью кладет руку мне на плечо. Он защищает меня, а в его взгляде вспыхивает ярость, от чего мое сердце невольно замирает.

Долговязый светловолосый парень с тяжелым вздохом достает из кармана ключи от кладовой и от моей машины, про-

тягивая руку вверх. Сай стремительно выхватывает у него ключи, качая головой, в то время как Джонатан, с раздражением на лице, стремглав убегает прочь. Я с недоумением наблюдаю за его удаляющейся спиной. Я даже не почувствовала, как он украл у меня ключи.

Сай берет мою руку и крепко сжимает ее в своей, а другой рукой осторожно кладет ключи мне в ладонь и загибает мои пальцы.

– Я же говорил тебе, что это не самое подходящее место для тебя. Не стоит впутываться в опасные ситуации без необходимости, Аланна. Здесь волонтерам не место.

Он делает шаг в сторону и уходит, а я смотрю ему вслед. Мое сердце бешено колотится в груди.

– Спасибо, Саймон! В следующий раз я буду осторожнее!

Он оборачивается ко мне, и его лицо озаряет заигрывающая улыбка. В животе у меня просыпаются бабочки.

– Уж постарайся.

Сай уходит, и я уверена, что с собой он уносит частичку моего сердца.

Глава 6. Сайлас

Не могу поверить, что этот парень заплатил мне двести баксов за то, чтобы я неделю выслеживал его скучную жену. Она настолько душная, что даже трудно представить, где она могла бы кого-то повстречать и изменить ему. Каждое утро она выходит на пробежку, а затем направляется в продуктовый магазин в центре города. Вернувшись домой, она готовит еду у большого кухонного окна, а потом смотрит телевизор, устроившись у того же большого окна. В некоторые дни она даже не утруждает себя походом в магазин и заказывает доставку на дом.

Честно говоря, этому парню следовало бы купить систему домашнего видеонаблюдения. Он быстро бы понял, что его жена практически не выходит из дома. Я еще никогда не сталкивался с такой легкой работой, и, честно говоря, мне бы хотелось, чтобы она была немного сложнее. Он пообещал мне пятьсот баксов, если я представлю доказательства того, что она ему изменяет.

Я вздыхаю, вытягивая ноги. С минуты на минуту она должна выйти на пробежку. Каждый божий день эта дама выходит из дома ровно в десять утра. Не сказать, что она жаворонок, но она твердо придерживается своего расписания. Я делаю снимок, когда она выходит из дома, и отправляю его мужу, давая ей фору, прежде чем начать слежку.

Каждый день она бежит по одному и тому же маршруту, но сегодня она с него свернула, и это меня настораживает. Я начал заниматься подобной работой год назад, и вскоре обо мне разнеслась молва: я мастерски умею оставаться незамеченным, когда слежу за людьми, и мне с легкостью удается вникнуть в суть запросов клиентов. С каждым разом я все быстрее улавливаю, когда что-то идет не так. Сегодня именно такой случай. Если повезет и она свернет с пути, я неплохо заработаю.

Она замедляет темп и машет рукой мужчине, сидящему на скамейке в парке. Я невольно улыбаюсь про себя, прячась между деревьями с телефоном наготове, чтобы запечатлеть этот момент. Она присаживается рядом с ним, и он протягивает ей бумажный стаканчик с кофе. В ответ она наклоняется и целует его.

Довольный, я делаю фото, но при этом меня раздражает такой поворот событий. Неужели в наши дни больше не осталось ничего святого? Зачем жениться, если вы изменяете друг другу? Я вздыхаю, делая еще несколько снимков пары, и отчасти жалею, что она оказалась такой скучной, как я себе и представлял. Отправляю фотографии ее мужу, и он отвечает почти мгновенно, обещая перевести мне деньги до конца дня.

У меня плохое настроение, когда я иду обратно через парк, и мысли о мачехе не покидают меня. В последнее время я редко вспоминаю о ней, но такие моменты всегда напо-

минают мне о ней. Она изменяла моему отцу на протяжении последних лет его жизни, и он прекрасно об этом знал. До сих пор остается загадкой, почему он вычеркнул меня из завещания и оставил все ей. Я твердо намерен докопаться до истины. Возможно, сейчас у меня нет необходимых ресурсов, но я знаю, что в конце концов найду их. Однажды я верну себе все, что потерял. Все до единого.

– Нет!

Я резко оборачиваюсь на звук знакомого голоса и хмурюсь, увидев Аланну с парнем ее возраста. Что она делает в парке в будний день? Разве она не должна быть в школе?

В последнее время я стараюсь избегать ее. Вопреки моему совету, она решила волонтерить в приюте раз в неделю, и, похоже, Рикардо отлично справляется с тем, чтобы с ней ничего не случилось. Она несколько раз искала меня, но каждый раз я придумывал отговорки, лишь бы не проводить с ней время. Что-то в ней вызывает во мне воспоминания о том, что я потерял. Тот день, когда я впервые встретил ее, перевернул в моей жизни абсолютно все.

Парень наклоняется к ней, но она пятится назад. Она всем телом сопротивляется.

– Ну же, – уговаривает он, – всего лишь один поцелуй, кроме нас, здесь никого нет.

Я подхожу ближе, но она так обескуражена, что даже не замечает меня. Пока я не кладу руку ей на плечо.

– Не трогай ее, – произношу я сурово.

Она напрягается и поднимает на меня глаза, и в тот момент, когда наши взгляды встречаются, вся скованность в ее теле исчезает. Она прижимается ко мне, и я приобнимаю ее одной рукой.

Мальчик смотрит на меня, и в его глазах вспыхивает гнев. Я слишком хорошо знаю таких, как он, – самодовольные, надменные придурки. Когда-то и я был таким. Догадываюсь, что тут между ними происходит: они, вероятно, общались, а может, даже встречались, но он требует от нее большего, чем она готова дать. Хорошо, что она узнает, что он свинья, сейчас.

– Да кто ты такой, черт возьми? Убери свои руки от нее! – говорит Красавчик, расправляя плечи и надувая грудь, словно действительно собирается вступить в бой со мной. Я не собираюсь с ним церемониться. Его эго явно превосходит его умственные способности.

– Он мой парень, – говорит Аланна, прижимаясь ко мне. Я киваю и крепче обнимаю ее, подыгрывая.

– Держись подальше от моей девочки, или я переломаю тебе все кости, если ты хоть пальцем до нее дотронешься, – огрызаюсь я, и слова вырываются изо рта раньше, чем я успеваю осознать, что говорю. Обычно я стараюсь избегать неприятностей, но сегодня я не могу этого сделать.

Он смотрит на Аланну, но она отворачивается, утыкаясь лицом в мою грудь. Я притягиваю ее обеими руками, заключая в объятия. Она дрожит. В этот момент я не сомневаюсь,

что ей больно. О чем, на хрен, она думала, оставшись наедине с таким ничтожеством? Почему, черт возьми, она вечно оказывается в самых неприятных ситуациях.

Парень снова бросает на нас взгляд и, стиснув зубы, уходит, остановившись в нескольких шагах от нас.

– Это еще не конец, шлюха.

Я напрягаюсь, но Аланна крепко вцепляется в мою рубашку. Я смотрю ему вслед и глажу ее по голове, стараясь защитить. Она настолько маленькая, что ее макушка едва достает до моего подбородка. Как она собиралась справляться с ним?

– Ты как? – спрашиваю я, когда Красавчик исчезает из поля зрения.

Она кивает и делает шаг назад, но я все еще обнимаю ее, не желая выпускать из рук. За последние пару лет я привык заботиться лишь о себе, игнорируя все и всех вокруг. Но Аланна пробуждает во мне защитный инстинкт, который, как мне казалось, давно угас.

– Все хорошо, – говорит она, все еще дрожа.

– Нам нужно поговорить о твоей любви попадать в неприятные ситуации, – предупреждаю я ее сурово.

Она поднимает на меня взгляд, и ее лицо кажется одновременно обманчиво невинным и притягательным. Осознает ли она, насколько прекрасна? Ей шестнадцать, но уже сейчас она выглядит очень соблазнительно. Большинство девушек ее возраста могут только мечтать о таких формах, а я не в си-

лах спокойно смотреть на ее губы – она слишком молода. Говню подобные мысли прочь. А ее глаза... У нее самые восхитительные карие глаза, которые я когда-либо видел. Я лишь могу представить, какие чувства она вызывает у ровесников, чего они хотят от нее. От одной мысли о том, что она может поцеловаться с Красавчиком, мне становится не по себе.

– Что бы ты сделала, если бы он насильно поцеловал тебя? Или заставил бы делать что-то еще? В этом парке безлюдно, Аланна. О чем ты думала?

Я крепче сжимаю ее за плечи, с трудом подавляя желание встряхнуть ее. Я понимаю, что она молода и безрассудна, но это просто неправильно. Мне бы хотелось, чтобы она понимала, что все могло закончиться совсем иначе.

– Я бы вмазала ему коленкой по яйцам, Сай.

Она только-только перестала дрожать. Возможно, она набралась бы храбрости, возможно, на адреналине она бы смогла это сделать, но что, если нет?

– Давай, попробуй вмазать мне по яйцам.

– Что?

Я провокационно киваю:

– Давай, ударь меня по яйцам, Аланна! Попробуй убежать от меня.

Я крепче прижимаю ее к себе. Она хмурится.

– Ну, ты сам напросился, – предупреждает она меня. Я лишь ухмыляюсь в ответ.

Она резко двигает ногой, пытаюсь ударить меня коленом,

но ей не хватает скорости. Прежде чем она осознает, что происходит, я уворачиваюсь от удара, обвиваю ее ногу, которой она хотела меня ударить, вокруг своей талии, а моя рука оказывается на ее бедре. Она задыхается, теряя равновесие, но я притягиваю ее к себе так, что она просто впечатывается в меня всем телом.

– Ты не сможешь защититься от меня, – говорю я. – Если бы я захотел поцеловать тебя прямо сейчас, ты бы не смогла этому воспротивиться. Если бы я решил воспользоваться тобой, закрыв тебе рот рукой, чтобы заглушить твои крики, ты была бы бессильна.

Она тяжело сглатывает, не сводя с меня глаз. Наши тела гораздо ближе, чем мне хотелось бы.

– Калев – не ты. Я бы смогла убежать от него.

Я крепче сжимаю ее бедро, а другой рукой зарываюсь в ее волосы, едва сдерживая нарастающий гнев.

– Черт возьми, ты права, он не я. Но это вовсе не объясняет того, что произошло сегодня. Почему тебе вообще нужно защищаться от кого-то? Я понимаю, мир не так идеален, как нам хотелось бы, как бы несправедливо это ни звучало. Постарайся больше никогда не впутываться в подобные ситуации, слышишь?

Она кивает, и я отпускаю ее. Аланна делает шаг в сторону, отводя взгляд.

– Спасибо, – бормочет она еле слышно.

– Да и что ты вообще нашла в этом придурке? Кто это? –

Я понимаю, что не должен задавать этот вопрос, но ничего не могу с собой поделаться. Мысль о том, что она может быть с ним, приводит меня в бешеную ярость. Она слишком хороша для него, и неважно, осознает она это или нет.

– Я... все совсем не так. Мы не встречаемся, ничего подобного. У нас было свободное время, и мы вместе работаем над одним проектом. Он предложил прогуляться, чтобы все обсудить и решить, кто что делает, я даже ни о чем таком не думала.

Я вздыхаю, качая головой:

– Пообещай мне, что ты постараешься больше не попадать в такие неприятные ситуации, ладно? Я был против того, чтобы ты волонтерила в приюте, но я точно не потерплю, чтобы ты ввязывалась в подобные глупости.

Она кивает и идет в ногу со мной, пока мы направляемся к выходу из парка.

– Хорошо, Сай, – отвечает она подавленно. – Обещаю.

Остановившись, я достаю из кармана телефон:

– Если у тебя когда-либо возникнут проблемы, набери мне, ладно? Неважно, когда и где. Если я смогу помочь тебе, я помогу.

Я протягиваю ей телефон, она вбивает свой номер и звонит мне, чтобы у нее тоже был мой номер.

– Почему ты так добр ко мне? Сначала на кладбище, и вот сейчас.

На мгновение я заглядываю ей в глаза, задаваясь тем же

вопросом.

– Не знаю, – шепчу я. За годы, проведенные в приюте, я очерствел, но к ней я неравнодушен. – Давай я провожу тебя до школы?

Она кивает, слегка улыбаясь. Каждый раз, когда я говорю с ней, меня охватывает тревога. Что-то в ней трогает струны моего сердца, и мне невыносимо это чувство.

Бесит, но, как бы ни старался, с каждым разом притяжение становится все сильнее.

Глава 7. Аланна

Нервничаю по дороге в приют. Я работаю там уже несколько недель, и обычно Сай просто игнорирует меня, явно стараясь держаться от меня подальше. Интересно, сегодня он так же будет себя вести? Не понимаю, почему он намеренно избегает меня, но мне нравится порой поглядывать на него.

Я не перестаю думать о том, как он помог мне в парке на прошлой неделе, о том, как крепко прижимал меня к себе. Я не слепа. Я заметила, что у него сильные мускулистые руки и несколько новых шрамов на лице, которых раньше не было. В голове столько вопросов. Что произошло? Как такой парень оказался в приюте для бездомных?

Каждый вечер я думаю, может, написать ему, чтобы поблагодарить за помощь. Он мне интересен, и я не стану отрицать, что внешне он меня привлекает. Но я подозреваю, что в его глазах я все еще остаюсь той маленькой девочкой с кладбища, и мне хочется изменить это.

Рикардо машет мне рукой, когда я вхожу, и его лицо озаряется светлой улыбкой. За последние пару недель я поняла, почему мой отец так ценит его. Я никогда не встречала настолько искреннего, доброго и заботливого человека, как Рикардо. Он вдохновляет меня быть лучше.

– Привет! – говорю я ему.

– Сегодня у меня скучная работа для тебя.

– Что? Нужно будет упаковывать еду?

Рикардо ухмыляется, кивая:

– Как ты угадала?

Я качаю головой:

– Знаешь, я прихожу сюда не первый раз. Обычно, когда ты говоришь, что будет скучный день, то мы упаковываем еду для раздачи. Скучные дни – мои любимые, потому что за работой ты рассказываешь мне об отце.

Рикардо опускает глаза вниз, его взгляд полон сожаления.

– Увы, сегодня я не смогу составить тебе компанию. Но я попросил другого человека помочь тебе. Я полностью ему доверяю, он о тебе позаботится.

Я хмурюсь, и Рикардо показывает головой на дверной проход позади меня:

– Сай?

– Ты уже знакома с Сайласом? – любопытствует он.

Сайлас. Его зовут Сайлас, а не Саймон.

– Да, мы впервые встретились много лет назад.

Рикардо смотрит то на меня, то на Сайласа. Его взгляд ничего не выдает.

– Понятно, – говорит он тихо. Затем он поворачивается к Сайласу и кивает. – Я доверяю тебе Аланну на целый день. Пожалуйста, проводи ее, как она закончит, ладно?

Сайлас кивает, и Рикардо хлопает его по спине, после чего уходит. Мы стоим у его офиса.

– Сайлас, – говорю я.

Он резко поднимает голову, его взгляд темнеет. Что-то в его выражении заставляет мое сердце биться быстрее, и я чувствую, как яркий румянец вспыхивает на щеках.

– Тебя зовут Сайлас... а не Саймон.

– Я никогда и не говорил, что меня зовут Саймон.

– Но ты никогда не говорил мне, как тебя зовут, и ни разу не поправил меня.

Он отворачивается, направляясь в кладовую, где мы с Рикардо обычно собираем пакеты с едой для раздачи бездомным на улице.

– В этом не было необходимости.

Я прикусываю губу, подавляя накатывающее возмущение:

– Ну, теперь мы хотя бы знаем, как друг друга зовут.

– Нам это ни к чему.

Он достает из кармана ключ, отпирает кладовую и пропускает меня вперед, а затем запирает нас изнутри, как это всегда делал Рикардо. Как я понимаю, это делается для того, чтобы никто не смог войти и украсть еду, но с Сайласом я чувствую себя здесь по-другому.

– Как думаешь, я сейчас попала в опасную ситуацию?

Сайлас прислоняется к двери, его взгляд скользит по моему телу, задерживаясь на губах. Возможно, он больше не считает меня маленькой девочкой. В конце концов, всего неделю назад я прижималась к нему всем телом.

– Нет, – отвечает он нежно. – Я никогда сознательно не

причину тебе вреда, Аланна. Я рад, что ты осознаешь, в какой ситуации ты находишься. Если бы вместо меня был кто-то другой, тебе следовало бы отказаться от работы сегодня. Кто знает, что может произойти, когда тебя на несколько часов запирают в комнате с мужчиной?

Я ухмыляюсь и скрещиваю руки на груди.

– Тебя едва можно назвать мужчиной, – произношу я, повторяя слова, сказанные много лет назад.

Сайлас усмехается, проводя рукой по волосам.

– Юная леди, – говорит он. – Если бы вы не были так молоды, я был бы вынужден защищать свою честь.

Он помнит. Помнит слова, которые говорил мне тогда. Не знаю, почему это настолько мне важно.

– Не такая уж я и юная, – бормочу я.

Улыбка Сайласа мгновенно тускнеет, и он отворачивается.

– Ты еще слишком молода, Аланна. Если я не ошибаюсь, тебе сейчас около шестнадцати. Ты все еще ребенок, маленькая девочка.

Сейчас ему должно быть двадцать или двадцать один, но он ведет себя так, словно ему тридцать, как и тогда. Я хочу с ним поспорить, но он поднимает руку, качая головой:

– Давайте лучше займемся делом, хорошо? У нас много работы.

Кивнув, я присоединяюсь к нему и подхожу к столу. Мы некоторое время слаженно работаем. В его присутствии та-

ится что-то одновременно умиротворяющее и тревожное. Я ощущаю спокойствие, но сердце не перестает бешено колотиться в груди.

– Тот парень, – наконец произносит он, и в его голосе звучат нотки раздражения. – Он что-то сделал или сказал тебе?

Я колеблюсь, не зная, как ответить. С тех пор как я смело заявила, что Сайлас – мой парень, Калев начал распускать обо мне слухи, называя меня шлюхой и утверждая, что я делала с ним вещи, о которых мне даже помыслить стыдно. Как бы я ни пыталась опровергнуть его слова, многие все равно ему верят.

– Нет, – отвечаю я Сайласу, выдавливая из себя улыбку. – Он ничего мне не говорил.

Я беру очередную картонную коробку и наполняю ее едой. Сердце бешено колотится в груди. Ненавижу врать.

– Скажи правду.

Я поднимаю взгляд и встречаюсь с его великолепными изумрудными глазами, в которых читается легкое раздражение.

– Это правда, – произношу я.

Сайлас забирает у меня коробку и ставит ее на стол, а затем берет меня за руку, нежно зажимая ее между ладонями, и качает головой.

– Расскажи, – повторяет он, его голос звучит умоляюще, даже очень мило.

– Я...

Сайлас крепче сжимает мою руку, его большой палец нежно скользит по тыльной стороне моей ладони.

– Он распускает обо мне слухи, но не переживай. Я справлюсь с ним, Сай.

Сайлас смотрит мне в глаза, словно пытается оценить услышанное, а затем тяжело вздыхает:

– Что он говорил?

Я нервно прикусываю губу, отводя взгляд.

– Сайлас, – шепчу я. – Ничего такого.

– Если это так, то тебе не составит труда рассказать мне обо всем.

В его взгляде читается решимость, и я, опустив глаза, сдаюсь:

– Он сказал, что я... я... сосала... эм... что я...

– Что ты сосала его член?

К щекам приливает кровь, и я чувствую, как они воспаляются.

– Да, – шепчу я.

– Это правда?

Я поднимаю взгляд, потрясенная его вопросом:

– Нет, конечно, нет!

Сайлас хихикает, его большой палец медленно рисует круги на моей ладони. Понимает ли он, что все еще держит меня за руку?

– Ты когда-нибудь сосала член, милая девочка?

Я тяжело сглатываю, не в силах успокоить биение сердца.

Волнение охватывает меня, и я не знаю, как ответить. По какой-то необъяснимой причине мне хочется солгать и сказать «да», чтобы не казаться такой юной и наивной, какой, похоже, считает меня Сайлас.

– Так я и думал, – пробормотал он, его глаза на мгновение скользнули к моим губам, прежде чем он отвел взгляд.

– Почему ты считаешь, что я никогда не делала этого раньше?

Улыбнувшись, Сайлас поворачивается ко мне лицом:

– Учítывая, что ты даже не можешь произнести это слово вслух.

В его взгляде что-то изменилось, и в этот момент он выглядит сексуальнее, чем когда-либо. От его взгляда мое сердце стучит все громче.

– Я... я...

– Не спеши взрослеть, Аланна. Не торопись. Первые разы в жизни – это нечто особенное, будь то первый поцелуй или первый интимный опыт. Каждый из этих моментов навсегда останется в твоей памяти. Пусть они запомнятся тебе на всю жизнь.

Я резко выдергиваю руку из его ладони, не в силах сдерживать раздражение. Он снова говорит со мной, как с ребенком, и меня это бесит, но дело не только в этом. Во мне закипает кровь, когда я представляю, что в его воспоминаниях – другая девушка, та, с которой у него был первый раз. Меня так раздражает, что кто-то навсегда займет это особое место

в его памяти.

– Что такое? – спрашивает он нежно.

Я качаю головой, обнимая себя:

– Значит, ты помнишь все свои первые разы?

Улыбнувшись, Сайлас кивает.

– Да. Мой первый поцелуй и первый раз случился с девушкой, с которой я познакомился на вечеринке. Ее звали Линда. – Он улыбается, произнося ее имя, и в этот момент мое сердце болезненно сжимается. – У нее были чертовски привлекательные губы и еще более голодный... – Он вдруг замолкает, качая головой. – В любом случае мой первый опыт был поспешным и не с кем-то особенным. Если бы я мог вернуться в прошлое, я бы приберег эти моменты для кого-то, с кем действительно хотел бы разделить эти воспоминания. Понимаешь?

Я киваю, но мое настроение окончательно испорчено. Я осознаю, что он видит во мне лишь ребенка, и понимаю, что мне не следует питать к нему интерес. Но я ничего не могу с собой поделать. Меня бесит, что все его первые разы были не со мной и я больше не смогу стать частью его воспоминаний.

Прикусив губу, я, сосредоточившись на работе, кладу фруктовый сок в пакеты, пытаюсь отвлечься от мыслей о Сайласе, но не могу. Мне так интересно, какой он с женщинами. Каково это – встречаться с ним?

– Чего молчим? – наконец произносит он, и я поднимаю на него глаза. – О чем думаешь? Дам тебе пенни, если рас-

скажешь, что творится у тебя в голове.

Я хмурюсь, качая головой:

– Мои мысли стоят гораздо дороже.

Он вынимает один пенни из кармана, протягивая мне монету:

– Пенни – это все, что у меня есть, любовь моя.

Мои глаза округляются, когда я осознаю сказанное. Мне не следовало говорить этого... я же знаю, что у него нет крыши над головой. Я поступила необдуманно и бесчувственно. Мне следовало быть умнее. Я натянуто улыбаюсь и прислоняюсь к столу, разделяющему нас.

– Мои мысли не продаются, Сайлас. Но мы можем обменяться ими. Я поделюсь с тобой своими мыслями, если ты расскажешь мне, о чем думаешь сам.

Он на мгновение заглядывает мне в глаза, и я начинаю волноваться, что он видит меня насквозь, что улавливает то смущение, которое я стараюсь скрыть. Он кивает, и я с трепетом выдыхаю.

– Ладно. Сколько мне это будет стоить?

Я облегченно ухмыляюсь:

– Один вопрос, и ты должен ответить честно.

Он молчит, будто хочет сказать «нет» в ответ на мою просьбу, но затем он улыбается, и на его щеках появляются ямочки.

– Хорошо. Расскажи мне, о чем ты сейчас думала, Аланна.

Я смотрю в его изумрудные глаза, ощущая, как его напря-

женный взгляд проникает в самую душу.

– Я думала о тебе. Как все-таки несправедливо, что твой первый поцелуй и твой первый сексуальный опыт были с кем-то, кто этого не ценит. – Это не совсем правда, и его улыбка выдает, что он это понимает. Он смотрит на меня, вздернув бровь, как бы приглашая продолжить. Я вздыхаю, отводя взгляд. – Мне бы хотелось, чтобы твои первые разы были связаны со мной, Сайлас. Мне бы хотелось быть для тебя первой. Мне бы хотелось, чтобы ты всегда помнил обо мне. Не знаю почему, ладно? Но мне бы этого хотелось.

Он кивает, проводя рукой по густым темным волосам.

– Ты молода, – бормочет он. – Просто...

– Не надо, – перебиваю я его. – Не отвергай мои чувства, мой возраст ни при чем. Ты попросил меня поделиться своими мыслями, и я открылась тебе. Прими их такими, какие они есть, не пытайся исковеркать их, чтобы тебе было легче справиться. Если ты не можешь этого сделать, тогда не спрашивай, о чем я думаю.

Он выглядит потрясенным, и в тот же миг я жалею о своих словах. Зачем я снова набросилась на него? Почему я всегда выставляю себя душой перед ним?

– Ты права, – говорит он, и я не могу сдержать удивление. – Я прошу прощения, Аланна.

Кивнув, я беру упаковку с фруктовыми соками ирываю пластиковую пленку, скрепляющую маленькие картонные пакетики. Я волнуюсь, не люблю это чувство. Я была ра-

да провести с ним целый день, но этого не следовало делать. Когда мы вместе, он каждый раз дает мне понять, что он не хочет быть в моем окружении. Пожалуй, пора смириться с этим.

– Задавай свой вопрос, – говорит он.

Качаю головой, не обращая на него внимания:

– Не надо.

Сайлас протягивает руку через стол и забирает у меня упаковку с соком, сжимая мою руку.

– Прости, Аланна. Ты права. Я обращался с тобой, как с твоими сверстниками, но это было незаслуженно и необоснованно. Я больше не буду так поступать, договорились?

Я киваю, и он сжимает мою руку:

– Тогда задай свой вопрос.

Я заглядываю ему в глаза и делаю глубокий вдох, набираюсь смелости, чтобы задать тот самый вопрос, который мучает меня с тех пор, как мы снова встретились.

– Почему ты здесь?

Сайлас вырывает свою руку из моей, отворачиваясь. Его улыбка словно тает на глазах.

– Долгая история, – произносит он нежно.

– Не хочешь – не рассказывай, – тихо шепчу я. Понимаю, что навязываюсь, но мне очень любопытно узнать о нем больше. Когда мы впервые встретились, у него явно было все хорошо. Как же он оказался в такой ситуации?

– В тот день, когда мы познакомились... Тогда я потерял

все. Вот почему я избегал тебя, когда ты только начала волонтерить здесь. Ты напоминала мне о прошлом, о том, кем я когда-то был.

Он на мгновение замолкает, а его взгляд полон печали.

– В тот день? Это были похороны моего отца. Мне только исполнилось восемнадцать, и это стало настоящим ударом. Кроме отца, у меня никого не было. У меня есть мачеха и единокровный брат, но они всегда были мне чужими. Мы с мачехой никогда не ладили, понимаешь? Даже будучи ребенком, я чувствовал, что она никогда не любила меня.

Он вздыхает, проводя рукой по волосам. На мгновение он будто бы теряется в собственных мыслях.

– Когда отец умер, он оставил все мачехе. Всего через несколько дней после похорон она выставила меня из дома, оставив лишь машину и немного денег на счете. Некоторое время я скитался по друзьям и знакомым, но, как только они поняли, что у меня ни гроша за душой и я никак не могу быть им полезен, они один за другим отвернулись от меня. Оказалось, что у меня не было ни одного настоящего друга. Осознание этого вкупе с горечью утраты всего, что я когда-либо имел, погрузило меня в темный водоворот, из которого я не знал, как выбраться. Если бы однажды Рикардо не нашел меня, не знаю, где бы я оказался. Сейчас, хотя у меня едва хватает времени, я продолжаю учебу в колледже. Я твердо намерен вернуть себе все, что потерял. Я изменю свою жизнь, шаг за шагом. Когда мой отец умер, я дал ему

обещание, и я сдержу его. Пусть сейчас я не в состоянии этого сделать, но я верю, что однажды все изменится.

Я киваю, и меня охватывает странное чувство гордости.

– Не знала, что ты учишься в колледже.

Сайлас ухмыляется:

– А куда, по-твоему, я так часто хожу? Утром я отправляюсь на занятия, а после – помогаю в приюте. Мы договорились об этом с Рикардо, когда он только привел меня сюда. Он предложил мне койку в обмен на то, что я смогу поступить в колледж. Я стараюсь помогать как могу: мой студенческий кредит просто заоблачный, и встреча с Рикардо стала для меня настоящим благословением. Снять отдельную комнату не вариант, поэтому для меня такое решение вполне приемлемо. Это место больше похоже на реабилитационный центр, чем на обычный приют. Здесь действительно хотят, чтобы ты никогда не возвращался назад, и искренне поддерживают тебя на пути к самостоятельности. Странно звучит, но в каком-то смысле мне повезло оказаться здесь.

– И это не навсегда, – говорю я ему. – Уверена, тебя ждет потрясающее будущее, Сай.

Он улыбается мне:

– Ты правда в это веришь?

– Да. – С самого нашего знакомства я знала, что Сайлас оставит след в моей жизни – поистине незабываемый.

Глава 8. Аланна

– Шлюха, – бормочет какая-то девчонка за моей спиной, а ее подруги хихикают, стоя около нее. Они подзадоривают ее, и я, признаюсь, думала, что она не станет мне дерзить, думала, что у нее не хватит смелости.

Я резко захлопываю дверцу шкафчика и поворачиваюсь к ней, стиснув зубы. Ее глаза расширяются от удивления, и она быстро отворачивается.

– Ты, – огрызаюсь я. – Что ты только что сказала?

Она тут же стушевывается, а ее подружки бросают на меня насмешливые взгляды, следуя за ней. Их тупое хихиканье бесит меня.

– Что, правда глаза колет? – При звуке голоса Калеба я закипаю от злости. – Я видел, как он обнимал тебя. Он сто пудов трахает тебя.

Я сердито поворачиваюсь к нему, и он лишь усмехается в ответ:

– Я же давал тебе шанс, просто нужно было поцеловать меня, вот и все. Если хочешь, чтобы тебя перестали травить, я знаю, как это устроить. Просто сходи со мной на свидание, Аланна.

Я скрещиваю руки на груди, лишь привлекая его взгляд к ней.

– Не приставай ко мне больше, – предупреждаю я его. –

До сих пор я была снисходительна к тебе, потому что терпеть не могу скандалы и драму, но, если ты продолжишь так себя вести, я напишу на тебя заявление за клевету. Ты явно не привык слышать слово «нет», но читай по моим чертовым губам, Калев. Нет. Я никогда не буду встречаться с тобой.

Я прохожу мимо него, едва сдерживая гнев. Стараюсь изо всех сил притвориться, что его слова не ранят меня, но это так. Мне больно, когда меня называют шлюхой или потаскухой. Ведь я девственница. Несправедливо, что мне приходится терпеть насмешки просто потому, что я не позволила Калебу воспользоваться мной.

Он следует за мной по пятам, пока я иду к выходу, и меня охватывает непреодолимое желание обернуться и вмазать ему по лицу. Я никогда не испытывала настоящей ненависти к кому-либо, но сейчас могу с уверенностью сказать, что *ненавижу* этого придурка. Ненавижу в нем все: дурацкие волосы, самодовольную ухмылку, то, как его глупые друзья шестерят и поддакивают ему и что никто не осмеливается ему перечить.

– Всего лишь одно свидание, Аланна, – говорит он ласково.

– Ты что, совсем тупой? – отвечаю я, останавливаясь в коридоре. – С чего ты взял, что, если будешь приставать к девушке, она захочет пойти с тобой на свидание? Мы не в детском саду, Калев. Я понимаю, что твой эмоциональный интеллект еще не дорос до этого, так что позволь мне про-

светить тебя. Буллить девушку, чье внимание ты пытаешься привлечь, – совершенно по-детски и абсолютно неэффективно. Оставь меня в покое, или я напишу на тебя заявление.

Я выхожу из здания, радуясь, что он не следует за мной. Спешно направляюсь к машине, но, не успев сделать и нескольких шагов, меня резко одергивают. Кaleb крепко хватает меня за запястье, в его взгляде читается гнев. Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но слишком хорошо знакомый мне голос обрывает его на полуслове.

– Я настоятельно рекомендую тебе убрать руки от моей девочки.

Как только я слышу Сайласа, напряжение в теле пропадает. Обернувшись, вижу, как он подходит к нам, не сводя с меня глаз. Он обхватывает меня за талию, притягивая к себе, и с силой одергивает руку Калеба.

– Я уже раз предупреждал тебя, больше я этого делать не буду, – говорит он спокойно. Кажется, он с силой сжимает руку Калеба, затем отпускает ее. Кaleb сжимает и разжимает кулак, будто испытывает боль в руке.

Кaleb растерянно смотрит на меня:

– Ты серьезно встречаешься с этим парнем?

Кивнув, я поворачиваюсь и оказываюсь в объятиях Сайласа, прижимаясь к нему всем телом. Я становлюсь на носочки и нервно целую его в уголок губ, не совсем в щеку, но и не в губы.

– Ты опоздал, – говорю я слегка дрожащим голосом. Что

он здесь делает?

Сайлас заглядывает мне в глаза. От его пристального взгляда мое сердце замирает. Я почти перестаю дышать, когда он скользит рукой по моей спине, зарываясь в волосы. Он гладит меня по затылку, в его прикосновениях чувствуется собственнический инстинкт.

– Прости, детка. Задержался на семинаре. – Он указывает головой в сторону Калеба. В его глазах вопросительный взгляд.

– Этот парень докучает тебе?

Я немного мешкаю с ответом. Мне хочется сказать «да», но я понимаю, что этого делать не стоит. У Сайласа и так много забот. Если он еще будет думать о моих проблемах. К тому же я не хочу просить помощи у парня. Я могу справиться с этой ситуацией сама.

– Вовсе нет.

Кивнув, Сай мельком бросает взгляд на Калеба. Я слежу за ним, замечая, что он смотрит на нас – его глаза потемнели от ревности. Кaleb бросает на меня ядовитый взгляд, а затем поворачивается и уходит. Да уж, неприятностей мне не избежать. Вздохнув, я прижимаюсь лбом к груди Сайласа, наслаждаясь его объятиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.